
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия)

Олеся Янгол, технический редактор ордена Г. Р. Державина, медалей М. В. Ломоносова и Н. А. Некрасова журнала «Приокские зори».

Родилась и жила в городе Тула. В настоящее время живет в городе Юрмала (Латвия). Свободный художник. Пишет рассказы, стихи, сказки на русском и украинском языках. Летом 2010 года на Украине, в издательстве «Карпатська вежа» вышли две книги «Мантриця 1» и «Мантриця 2», куда включены ее рассказы и рисунки, а также оформлена обложка «Мантрицы 2». Печаталась в журналах «Приокские зори», «Изюм».

УЛЫБКА СЕЛИНДЖЕРА

«Что он в ней нашел? Она вовсе не похожа на маму. Одевается, как идиотка, говорит какую-то чепуху и постоянно играет на флейте. По-моему, у нее не все дома. И отец, он тоже, кажется, тронулся. Видимо, сумасшествие — заразная болезнь.

Он привез ее месяц назад. Сказал: вот, сынок, знакомься, это Светослава. Чуднее имени не придумать. И ведь действительно, это имя ей дали родители. Просто соединили свои имена, и получилось то, что получилось.

Однажды спросил у отца, как они познакомились. Он понес полную пургу — возвращался домой и увидел на обочине яркий цветок. Ну, мол, издалека так показалось. Подъехал ближе, а это она среди травы сидит в красной вязаной шапке и на флейте играет. И он ее тут же привез знакомиться со мной. Сейчас каникулы. Хочется отоспаться, а она с утра уже начинает дудеть.

Отец не нарадуется. Ходит как дурак, и эта идиотская улыбочка. Ему-то что, он на работу на целый день, а мне с ней тут сидеть. А последнее время мы вообще на даче. Тоска!

Мама живет в Австралии. У нее свой бизнес. Она сказала, что когда я окончу школу, могу приехать к ней. Там куча возможностей. У папы тоже свой бизнес, но мама всегда говорит, что он со своим характером скоро прогорит. Не знаю. По-моему у папы классный характер. Когда мы вместе — разговариваем обо всем. А еще делаем модели яхт. В квартире у нас целая комната под мастерскую. Раньше это был зал, но когда мама уехала, мы долго бродили как неприкаянные. В зал почти не заходили. Там все на-

поминало маму. А однажды я пришел из школы и обомлел. Папа вывез на свалку всю мебель из зала и уже монтировал верстак. Купил все необходимые инструменты. Так что теперь в нашей мастерской все что угодно можно делать. И тут она.

Мало того, что папа постоянно ходит с глупой улыбкой, он периодически хватается меня в порыве необъяснимой нежности, восклицая — я люблю тебя сынок, я очень тебя люблю. Теперь мы будем счастливы. Теперь мы все будем счастливы. Я вам обещаю.

Будто мы до ее прихода были не счастливы. Мне так нравилось, когда отец возвращался с работы, и мы, поужинав, шли в мастерскую и занимались любимым кораблестроением. Мы говорили обо всем на свете. Мечтали однажды построить настоящую яхту и отправиться в путешествие.

А когда она вошла в мастерскую и начала все оглаживать пальцами, я не выдержал и ушел. Ведь это было только наше! Зачем же?

А теперь вот на даче. Они накупили разной краски, и она расписывает наш старенький дом в сумасбродные цвета. Наводит кругом чистоту, вяжет по вечерам полосатые пледы. Входная дверь теперь у нас сиренево-голубая, а по центру желтый блин с какими-то узорами. Она сказала, что это не блин, а солнце, и теперь в этом доме будет всегда светло и тепло. Все комоды, стулья и шкафы разрисовала цветочками, настелила вязанные крючком салфетки.

А сегодня, когда она вошла в мою комнату и протянула вязаный свитер, сказав, что это подарок, я не выдержал и рассмеялся. А потом, я не знаю, что на меня нашло, я наговорил ей кучу грубостей, посмеялся над ее красной шапкой и сказал, что таким, как она, место в дурдоме. Она стояла, слушала и глупо улыбалась. А потом я заметил, как из одного глаза у нее выкатилась слезинка, и она вышла из комнаты, тихо затворив за собой дверь. В этот момент я и решил смотаться к деду.

Ее видавший виды велосипед — не бог весть какой транспорт, но мне больше не на чем добраться до города. В общем, я его украл вместе с рюкзаком закрепленным на багажнике. Проехал не больше двадцати километров, как порвалась цепь. У нее и велосипед такой же несуразный, как она сама. Вот теперь сижу на дороге. С двух сторон лес, позади дачный поселок, впереди, далеко впереди город. А я тут. Сижу на опрокинутом велосипеде, читаю какую-то дурацкую книгу. Нашел в ее рюкзаке вместе с бутылкой воды.

Если честно, то я вообще не читаю книг, ну, только то, что задают в школе. Никогда не понимал любителей литературы. Хотя мой дед — учитель литературы, и в раннем детстве он пытался приучить меня к книге, но у него ничего не вышло. Мама сказала, что я должен больше уделять внимания здоровью и отвела на занятия теннисом. Мне понравилось и с тех пор я не бросаю это дело. Кажется, дед тогда впервые обиделся на маму. А папа, как всегда пытался всех помирить, но у него ничего не вышло — у мамы характер. Потому она сейчас в Австралии, а мы здесь... на даче.

Книга какая-то странная. Начал читать, и не заметил, как страниц двадцать прочел. Со мной подобного никогда не случалось. Я даже в школе, когда задавали книги на лето, просто находил в интернете краткое содержание и запоминал его. До сих пор прокатывало. А тут что-то зацепило. Мальчишка Холден чем-то похож на меня. Ну, так мне показалось. Вот, тоже сбежал. Правда из колледжа, но это не имеет значения. Его тоже никто не понимал, и окружали его одни идиоты. Я с головой ушел в сюжет, и, знаете, такая ерунда в голове начала рождаться. Чувствую — Колфилд уже не меня напоминает, а ее. Она за этот месяц много всякой чепухи наговорила, что-то типа «миром правит любовь», и все такое. И когда она это поняла окончательно, бросила дом и уехала куда глаза глядят. Она, верила, что только таким образом сможет жить в любви со всем миром, что только так честно. Она, мол, не приемлет любую ложь. Вот и этот горемыка из книжки на каждом углу натыкался на врунов. И хотя сам

привирал, будь здоров, его это дико расстраивало. Он даже заболел от этого. Я иногда врал, но никогда не задумывался над этим и не анализировал. А сейчас, вдруг, стало противно от самого себя. Что за бред? С чего вдруг начали появляться подобные мысли? Это что, книга, что ли так действует?

Вообще, если совсем уж честно, мне было ее жаль. Жаль от того, что я так грубо с ней обходился. Я понимал, что я груб, и от этого злился еще больше на самого себя, и грубил ей еще больше, и все больше запутывался. Хотя, казалось бы, еще минуту назад решал оставить этот тон. Но вот, подходила она, что-то спрашивала, и я уже слышал свои слова, а потом замечал ее виноватую улыбку. Я не понимал, что со мной, почему я вдруг стал таким? Ведь она, на самом деле, очень даже милая женщина, и при других обстоятельствах, мне кажется, мы нашли бы общий язык. Она так не похожа на маму. Вся такая хрупкая. И характер ее, он был чем-то схожим с теми звуками флейты, которые слышались каждое утро во дворе. И я долго не признавался самому себе, что слушаю, и хочу слушать эти мелодии, и что они нравятся мне.

Вы думаете, я пришел к какому-нибудь правильному выводу? Нет. Я просто встал, ну, словно меня кто-то поднял. Нет здесь никакой мистики, просто... просто я встал, положил книгу в рюкзак, закрепил его на багажнике и повез велосипед обратно.

Когда я вернулся, было уже совсем темно. Свет горел только на веранде. Ее черный силуэт отчетливо выделялся на освещенных ступенях. Я подошел, сел рядом, и мы еще долго, молча, смотрели куда-то в темноту. Я заметил ее глаза, в них что-то изменилось, жжет, плакала? Кто их поймет, этих девушек, женщин! Не разбираюсь я в них.

Потом я сказал:

— Цепь порвалась.

— Велосипед старый. На нем еще мой отец путешествовал.

И мы снова стали молча глядеть в темноту.

Я встал, вошел в дом. Подходя к спальне, краем глаза и краем сознания заметил у входной двери ее дорожную сумку. Я уже вошел в спальню, и вдруг — пронзительная мысль: «Зачем там сумка, она что, собралась уходить?»

Я выбежал, пытаюсь унять сердцебиение.

Сумки не было.

Веранда пуста.

Она все-таки ушла.

А как же отец? Он так был счастлив последнее время.

Мне было мучительно стыдно кричать в темноту ее имя, но мысль об отце, — ведь я так люблю его и хочу, чтобы он был счастлив, — заглушила стыд и упрямую гордость. Я набрал побольше воздуха в легкие, чтобы как можно громче позвать ее, чтобы она услышала. Я уже готов был просить прощение за все, лишь бы она вернулась. Как вдруг услышал звон посуды. Вместо моего крика раздался свист чайника.

— Я приготовила ужин, — тихо и как-то уютно произнесла она.

Я смотрел на нее из прихожей, ощущая предательские изменения на лице. Вы подумали о слезах? Вот еще! Я все-таки мальчишка и подобными глупостями не занимаюсь. Мышцы, помимо воли, устроили настоящий кавардак на лице, и мой рот расплылся в глупой улыбке. Ну, прямо как у отца.

КАК КОРМИТЬ ГОЛУБЕЙ

Маленькая, щупленькая, белявая. Волосы, высвеченные солнцем, словно обесцвеченные гидроперитом. Сначала так и показалось, и удивило — лет семи не больше, а уже волосы осветляет.

Сажу на лавочке, жду назначенной встречи. Она, где-то сзади бегаёт среди кустов и деревьев, пытаюсь найти себе занятие — явно скучает в одиночестве. Как и положено, в скверах, на аллеях и газонах хозяйничают голуби. Они уже давно приметили меня и теперь по одному, несмело, слетаются на выложенную плиткой дорожку.

Знакомый запаздывает — пробки — просил подождать минут двадцать. Кладу телефон в сумку, иронично улыбаясь — он никогда не отличался пунктуальностью. Краем глаза вновь замечаю её щупленькую фигурку. Стоит у дерева и с силой тянет нижнюю ветку к земле, при этом сосредоточенно смотрит на меня.

— Сломаешь,— произношу нейтральным голосом.

— Неа, она неломаемая,— уверенно говорит она, и продолжает гнуть ветку.

— Ей больно,— выкладываю ещё один аргумент.

Глаза девочки расширились от осознания чего-то важного, и она мгновенно отпустила ветку.

Я вновь стала наблюдать за голубями. Те прилежно расселись веером неподалеку и гипнотизировали меня разумными глазами-бусинами. Где-то в сумочке лежала начатая пачка семечек. Достая и сыплю несколько зернышек. Этого мало такой ораве. В мгновение ока зерна исчезают в клювах самых смелых. Голуби явно не голодны и, судя по упитанности, кушают вдоволь и регулярно. Один лишь заморыш, худой и обтрепанный, с пугливой надеждой взирает на мои руки. Кладу пару зерен на ладонь и слегка наклоняюсь. Птицы замерли, насторожились, они прекрасно видят лакомство, но боятся брать с руки. Заморыш набирается храбрости, расталкивая конкурентов, подбегает почти к самым пальцам, но подпрыгнуть не решается.

— Они так не возьмут,— слышу её голос.

Уже с другой стороны, девочка топчется на газоне.

— Надо руку совсем на землю опустить.

— Может, ты попробуешь? — предлагаю.

Она уверенно подходит, я отсыпаю несколько зерен в крохотную ладошку.

— Надо вот так. Я так всегда делаю.

Присаживается на корточки и опускает ладошку. Голуби, сначала несмело, потом все уверенней подходят. И вот уже вокруг девочки целое поле воркующего братства.

Я внимательно присмотрелась к ней. Истоптанные, старенькие сандалии, замызганная футболка и шортики. Волосы убраны в хвостик с заплетенной косичкой. Но причёсывали её, скорее всего, вчера — выскочившие рядки белесых прядок то и дело падают на глаза.

«Нет, не крашенная»,— прихожу к выводу. И тут же криво усмехаюсь своим же глупым мыслям. Почему я думаю именно об этом?

— Вот, видишь? Смотри, смотри! — она радостно улыбается, подставляя уже две ладошки зерен, которые за секунду разобраны наиболее смелыми голубями.

— Давай того, худого накормим,— предлагаю и вновь насыпаю горсть в её ладошки-лодочки.

Она протягивает руки заморышу, но более смелые вновь атакуют, усаживаются на её пальчики, деловито истребляя лакомство.

— Эй, ну пошли!

Девочка отгоняет обнаглевших птиц, но те её уже совсем не боятся. Она начинает орудовать кулачком, попадает по головам и клювам. Я что-то бормочу, мол, не бей ты их так, они же...

В её же решительности чувствуется уверенность, она знает что делает. Она привыкла защищаться и защищать.

Наконец, заморыш смог пробраться сквозь обнаглевшую толпу сородичей и получил свою порцию семечек.

— Давай еще,— не оборачиваясь, торопит меня,— пока не ушел. Скорей! Я ссы-
паю остатки семечек в ее ладоньки.

— Я тут каждый день. Я знаю, как их надо кормить.

Еще пара голубей награждена тумаками. Заморыш, уже не пугаясь резких движе-
ний, наедается вдоволь.

День довольно прохладный, временами капает мелкий дождик.

— Ты не замерзла? Легко одета.

Скормив все семечки, она садится рядом.

— Я привыкшая. Я даже осенью могу в шортах ходить. А зимой даже еще и без
шапки.

— Закаляешься?

Отвлеченный, ничемный вопрос, чтобы не обострять того, что уже прорисовы-
вается в моем воображении.

— Ага,— улыбается она.

Рядом со сквериком, с двух сторон дорога. Шумят машины, звенят трамваи. Этот
небольшой островок с приземистыми деревцами несколько заглушает уличный шум.
У остановки сидят бабульки с овощами-ягодами, мужичок продает грибы. Прохожие
снуют туда-сюда по тротуарам.

— Я тут каждый день,— вновь повторяет она.

— А друзья у тебя есть?

— Ну...— она задумывается.— Когда еще у мамы жила, там во дворе у меня все в
друзьях ходили. А щас я с бабушкой. Вон она, картошку продает.

Девочка указывает на рядок бабулек.

— Во-о-н, в зеленом платочке.

Замечаю маленькую, сгорбленную старушку, сидящую на ящике из-под фруктов.
Кто-то покупает у нее картошку. В худых руках, под тяжестью пакета трясется без-
мен. Она улыбается, что-то говорит, считает деньги.

— Старенькая у тебя бабушка.

— Потому что, взаправду, она прабабушка, а бабушка, она с дедом в Италии жи-
вет уже давно. А мама с папой — в Америке. Папа там работает. А меня не взяли,
сказали — я еще маленькая.

— Они звонят тебе?

— Один раз звонили... зимой.

Девочка опустила глаза, потом улыбнулась.

— А у тебя сумка красивая,— говорит она, явно пытаясь сменить тему,— я таких
еще не видела.

Разноцветная, с нашитыми цветными камушками, сумка действительно радова-
ла глаз.

— Вырасту, такую же куплю.

— Такую не купишь. Я ее сшила.

— Сама? — удивленно распахивает голубые глаза.

— Сама,— улыбаюсь ее непосредственности.

— Моя мама не умеет шить. Зато она машину водит. У нее своя машина, у папы
своя. Я один раз даже ездила с ней, когда они еще здесь жили.

Она умолкла, вспоминая что-то свое.

— Я все равно скоро вырасту,— словно отвечая своим мыслям, произнесла она.—
А бабушку я очень люблю. И если б я уехала, как бы она тут без меня? Ну и пусть их...

Наконец подошел знакомый, виновато улыбаясь, поцеловал в щеку и присел
рядом.

— Идем?

В сумке лежали только телефон и кошелек. Не люблю лишнего таскать. Я доста-

ла вещи и протянула сумку девочке. Ее глаза заискрились радостью. Она, ни слова не говоря, взяла сумку и, не прощаясь, побежала к бабушке.

— Ты что!— удивился мой знакомый.— Ты же так лелеяла эту сумку. Ее ж у тебя купить хотели, ты не продала.

Я улыбнулась:

— Понимаешь, ее мама не умеет шить.

МЕХАНИЗМ ПРИТЯЖЕНИЯ

Они сидели в сквере. Она периодически разговаривала по телефону, он курил и лениво помахивал ногами. В глазах тоска и дневной летний сплин. Может причиной подобной лени была жара, а может, что-то другое. Отношения — сложная штука. И чем больше задумываешься, тем глубже затягивает путаница.

Он встал. Нервно, раздраженно что-то произнес.

Она, надув губы, встала вслед за ним.

Он пошел.

Она демонстративно выбрала другую дорожку, ведущую, однако, в том же направлении.

Это покорило его, и он ускорил шаг.

Она тоже.

Каким-то шестым чувством уловила — он никуда не денется. Он почувствовал ее мысли, уловил тем же шестым чувством, и... испугался. Его плечи расслабились, поникли, походка сбилась и стала примирительно-медленной.

Она незаметно улыбнулась, почувствовав свое превосходство.

Эта улыбка, вдруг, резанула его обиду, и он, уже не шутя, ускорил шаги.

Мгновенно, теряя уверенность, она кинула в него ключи...

Он обернулся с перекошенным лицом, хотел наругать.

Она стояла, покорная, виновато улыбаясь.

Напряжение рухнуло в один миг. Дорожки пересеклись, и они вновь вместе, за руку. Он что-то сказал ей на ушко, нежно обняв за шею. Да, они уже стояли на одной дорожке, но смотрели в разные стороны. В его взгляде читалась вновь обретенная доверчивость, и он, увы, уже не мог видеть ее победоносно-удовлетворенной улыбки.

РАДОСТЬ СЕРДЦА

Из детства...

Вечереет. Ты уже пришла с улицы, тебя накормили ужином, и ты идешь в свою спальню, чтобы немного поиграть с любимыми куклами. Но вдруг слышишь звон ключей во входной двери. Это вернулся папа из рейса. Ты бросаешь все и бежишь в коридор, радостно крича:

— Папочка прилетел!

Он поднимает тебя высоко-высоко, под самый потолок, и улыбается. Прижимает, и ты обхватываешь его сильную шею маленькими ручонками. Это радует сердце.

Или, вот еще

Летним утром ты просыпаешься раньше всех, и тихонько сбегаешь на улицу. Пустынный двор, солнце только-только выходит из-за дома. Сидишь на качели и, раскачиваясь, наблюдаешь, как просыпается жизнь. Кто-то заводит машину, и, уса-

див семью, уезжает. Ты знаешь, что папа сейчас в гараже, ремонтирует свой васильковый «Москвиченок». Срываешься с места и бежишь домой. В кухне открываешь холодильник, находишь сыр. Неумелыми руками отрезаешь кусок. Берешь черный хлеб, потому что белого нет. Ты знаешь, что с черным хлебом сыр не такой вкусный, но выбора нет. Ты делаешь бутерброд и заворачиваешь его в газету. Просыпаются мама и бабушка.

— Ты куда?

Но ты уже снова выбегаешь за дверь и бежишь по ступенькам, вниз, с пятого этажа, на улицу, за дом, к гаражам...

Сердце стучит. Ты бежишь к папе.

«Вот он сейчас обрадуется, когда я ему бутерброд...»

— Папа!

Папа действительно рад. Ты даешь ему сверток и замечаешь что-то в его глазах. Что это, ты пока не можешь объяснить. Но это радует тебя. Это радует твое сердце.

Досада на себя

У папы выходной. Он предлагает сходить на почту. Тебе хочется пойти, но ты помнишь, что скоро по телевизору какая-то детская передача. И ты вчера еще решила ее посмотреть. Ты в нерешительности — что выбрать? Идти с папой, или остаться и ждать передачу? Подумав немного, одеваешься и идешь с папой. Вы прошли уже дом и дошли до дороги, но внутри досада. Тебе так хотелось посмотреть эту дурацкую передачу. Если ты сейчас перейдешь дорогу, то обратно уже, сама, не вернешься, еще маленькая. И ты решаешься, и говоришь, что не пойдешь дальше, что дома, по телевизору... Папа отпускает тебя, но ты замечаешь в его глазах что-то... Он так хотел побыть сегодня с тобой.

А ты уже бежишь домой, к этому дурацкому телевизору, смотреть эту идиотскую детскую передачу. Ты включаешь телевизор, а там... Эта сетка с циферками. Передачи не будет — профилактика.

И ты досадуешь на себя, и даже ругаешь. Ты уже ненавидишь и этот телевизор, и передачу. Лучше бы пошла с папой. В его глазах было что-то такое, что заставляет сжиматься твое сердце.

Глупая!

А вот другое

Летний предвечерний денек. Ты во дворе с друзьями, у вас увлекательная игра. Выходит папа, брат, мама. Папа предлагает:

— Поедем на пруд?

Но у тебя такая интересная игра, друзья. Ты подумала немного... и отказалась...

А вечером, когда они вернулись, радостные и счастливые, стали рассказывать тебе, как было хорошо, там, на пруду. Как они заехали за бабушкой и дедом. И дед взял надувную лодку. И они плавали в лодке, и купались в пруду... И ты... ты разревелась крокодильими слезами. Какая досада! Почему ты не поехала? Ты променяла день счастливых воспоминаний на один обычный день.

Знак вопроса

Тебе едва четыре. Папа учит тебя читать по Букварю брата. У тебя уже неплохо получается, и «мама мыла раму» ты читаешь без запинки. А сегодня новая страница, и новое предложение:

«У Кати есть мяч. А у Маши?»

Эта закорючка с точкой смущает тебя немного. А еще смущает бессмысленность второго предложения. То, что у Кати есть мяч, тебе понятно, но что нужно Маше?

Папа пытается объяснить, что эта закорючка — знак вопроса. Но ты не можешь понять, причем тут она. Ты снова читаешь и снова не ставишь вопросительной интонации в голосе. И так несколько раз.

Ты чувствуешь, как папа начинает нервничать, и ощущаешь комок в горле и предательское шипание в носу. А еще брат, пробегая мимо, засмеялся. Папа вновь терпеливо знакомит тебя с этой неведомой закорючкой, но ты уже не слушаешь, потому что по щекам льются горячие слезы, от того, что братик — вредина и что он играет, а тебе надо сидеть за столом и разбираться в закорючках. Папа замечает слезы и закрывает Букварь.

— Объясню завтра. Беги, играй.

Ты чувствуешь, что папа досадует на себя от того что не смог объяснить, от того, что заставил расплакаться. И тебе становится жаль его. И ты вновь открываешь Букварь, и... вдруг:

— «У Кати есть мяч. А у Маши?» — выразительно спрашиваешь ты. И еще не до конца осознав, что, наконец, прочитала правильно, попадаешь в папины объятия.

— Умница моя, я знал, что ты поймешь!

Ох уж это знак вопроса.

Познаешь людей

Тебе пять лет. Ты лежишь в больнице после очередной простуды. Приходит папа, и вас отпускают на прогулку. Вы шагаете по тенистой аллейке, папа рассказывает о горах. О том, какие они, горы, с самолета. Тебя очень интересует этот вопрос.

Навстречу идет дядя — приземистый, лысый толстячок. Ты видишь, как папа оживился, улыбнулся, и что-то хотел сказать ему. Но тот проходит мимо, опустив голову, как-то неловко стрельнув глазами в нашу сторону. Ты заметила, как дрогнула папина рука, державшая твою ладонь. Вы проходите еще несколько метров. Папа молчит. Наконец, он произносит.

— Когда-то мы были друзьями...

Так ты познаешь людей.

ПАРИЖ ГЛАЗАМИ АНГЕЛА

Это был городской парк в Париже, ну, может быть, Булонский лес какой-нибудь. Живописные деревья, утопающие в солнце поляны, камни, омываемые прозрачными прохладными ручейками, птичий гомон, шелест листвы. Она обычно ночевала на раскидистом дубе, прячась от постороннего взгляда в кроне густой листвы. Во время дождя укрывалась огромным полиэтиленовым пакетом из-под мусора. Самое главное — переночевать короткую летнюю ночь. А потом он — Париж! Мощеные улочки, горшечные цветы, причудливые линии зданий. И все это было ее!

Она часами могла сидеть у фонтана и наблюдать за резвившейся ребятней, плещущейся в прохладных, освежающих струях, кормить голубей крошками от оставшегося бутерброда, впитывать в себя глазами всю эту красоту, жизнь, свободу. С едой тоже все было в порядке. В одном старинном костеле позволяли протирать пыль со скамеек, помогать раскладывать на столах, перед входом, различную мелочь на продажу. Ей очень нравились бронзовые статуэтки Иисуса и Божьей Матери. Их хотелось долго держать в руках, ощущая металлическую тяжесть, оглаживая позолоченную поверхность. Потом ее кормили, очень хорошо кормили, так, что всегда оставалось что-нибудь на вечер взять с собой, а самое главное, крошки для птиц. Она

рассовывала по карманам джинсов кулечки с хлебом, брала папку и карандаши и неслась куда-нибудь, все равно куда.

Это была такая игра. В этом городе ты можешь бежать куда угодно и везде найдешь живописный уголок для набросков. Набросков накопилось так много, что приходилось их оставлять в удобной нише при входе в храм. Они там никому не мешали, а самое главное — надежно спрятаны от дождя. На следующий день, рано утром, она приходила в храм и добавляла, в стремительно толстеющую папку, новые и новые рисунки. С бумагой тоже не было проблем. Однажды она бродила по окраинам Парижа, там, где городская свалка, и обнаружила целые залежи упакованной бумаги для ксерокса. Ее только недавно сгрузили, и она даже не успела отсыреть. Бумага оказалась хорошая, плотная, но с несколько желтоватым оттенком. Может, офисных работников она не устраивала, а вот для нее, как для художника это оказалось весьма интересной находкой.

В этот день она тащила на себе тяжелый, огромный пакет, в который уместилось больше двадцати пачек. На первое время достаточно. Это было ее добро, ее бесценное сокровище. Она любовно его припрятала, надежно завернув в целлофан в дупле грецкого ореха, растущего неподалеку от ее «спальни». Жить было здорово, а главное, хотелось жить, выплескивать из себя вдохновение на бумагу и день за днем становиться все счастливее.

* * *

Душераздирающий вопль пронесся над «Булонским лесом». На мгновение замолкли птицы, перестали журчать ручейки и даже летний, легкий ветерок замер где-то в кроне деревьев. У ее Дуба стояла полицейская машина. Двое здоровенных мужиков в форме пытались отцепить ее руки от родного ствола и засадить в машину.

— Пустите меня, сволочи, гады! Я же не мешаю вам жить, я не прошу у вас ничего! Отпустите меня!

Она кричала с надрывом в голосе, но обращалась не к этим бездушным полицейским, выполнявшим свою работу. Она кричала всему миру, всей этой разтреклятой системе, всем этим снобам, пустотелым мыльным пузырям, возмнившим себя богами. Она кричала, но ее никто не слышал. Ведь каждый решает сам, как ему жить. Вмешиваться в чужую жизнь не принято. И пусть кто-то кричит и самовыражается, он имеет на это полное право. Он свободный человек в свободном обществе. Свободен от чего? От любви и взаимопомощи, от сострадания и сочувствия?

Ее увезли в неизвестном направлении.

На следующее утро, рано-рано, когда еще не просохла роса на траве, а птицы все так же щебетали, радуясь жизни, служащий костела, извлек из каменной ниши в стене, несколько толстых, разбухших папок. Он долго еще сидел на скамейке, забыв о своих обязанностях, и перебирал рисунок за рисунком, восхищаясь красотой линий, узнавая знакомые места. Ему было грустно оттого, что она не придет, как всегда, улыбаясь, и не начнет протирать скамейки, не поможет ему расставлять бронзовые фигурки на продажу. Он не понимал, кому мешала эта небесная птичка, неужели они не видели крыльев за ее спиной?

* * *

Наверно, такое может случиться только в Париже — столице трех революций. На площади, перед Эйфелевой башней, толпа суетливых корреспондентов тыкала длинными микрофонами в веселого, добродушного монаха, который сидел на складном стульчике перед импровизированной выставкой картин. Название выставки гласило: «Париж глазами ангела». Он с радостью давал интервью и охотно отвечал на все вопросы. Ему уже сообщили, что девушка отпущена на свободу, с предоставлением права на жительство. (Или как там этот документ называется?)